

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЦЕССОВ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ: ДО И ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

© 2021 Т.Р. Хайруллин

ХАЙРУЛЛИН Тимур Радикович, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН. Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1, e-mail: jumglaw16@yandex.ru

Аннотация. В основу работы вошли материалы проведенной 2 декабря 2020 г. Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН конференции на тему «Перспективы процессов дестабилизации на Ближнем Востоке и в Северной Африке: до и после пандемии». В ней приняли участие представители ведущих научных и образовательных центров России. При всей острой актуальности темы конференции проблематика выступлений на ней вышла за рамки указанных вопросов и носила междисциплинарный характер. Многообразие изложенных точек зрения представлено в предлагаемой вниманию читателей статье краткими тезисами выступлений участников конференции. Автор же резюмирует основные результаты проведенного обмена мнениями.

Ключевые слова: пандемия коронавируса COVID-19, Ближний Восток, Северная Африка, нестабильность, ислам, цивилизация.

DOI: 10.31132/2412-5717-2021-54-1-17-45

Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН провел 2 декабря 2020 г. конференцию на тему: «Перспективы процессов дестабилизации на Ближнем Востоке и в Северной Африке: до и после пандемии».

Тема и проблематика конференции определялись усилением роли религиозного фактора в возникновении и развитии конфликтных ситуаций в странах Ближнего Востока и Северной Африки, в том числе крупных вооруженных конфликтов. Большое внимание было уделено путям разрешения конфликтных ситуаций.

Цель конференции заключалась в анализе указанной проблематики и выработке механизмов по выходу из нестабильности, вызванной различного рода факторами. На обсуждение были вынесены следующие вопросы:

- основные факторы процессов дестабилизации/стабилизации в странах Ближнего Востока и Северной Африки;
- возможные сценарии;
- влияние пандемии коронавируса COVID-19 на дестабилизационные процессы на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

В регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) наметился целый ряд новых тенденций и реакций общества в связи с пандемией коронавируса. В более густонаселенных странах региона – Египте, Ираке и Турции – динамика распространения ви-

руса среди населения была стабильно высокой со времени первых вспышек в феврале 2020 г., в то время как в других, менее густонаселенных странах, таких как Тунис, коронавирус распространялся значительно медленнее. Ирану, на долю которого по состоянию на июнь 2020 г. приходилось около половины всех случаев заболевания в регионе [1], пришлось столкнуться с чрезвычайно активным распространением болезни. Среди стран Персидского залива больше других пострадала Саудовская Аравия.

Правительства по всему региону приняли решительные меры, чтобы ограничить социальное контактирование и замедлить распространение вируса [2]. Уровень смертности среди тех, кто заразился этой болезнью, пошел на спад за заметным исключением Египта, где этот показатель оставался удручающе высоким. Некоторые страны, такие как Катар, смогли нарастить тестирование до впечатляющего уровня, полагая, что целенаправленный подход, включающий надежное тестирование, отслеживание контактов и другие мероприятия, направленные на контроль распространения пандемии, может быть осуществим и в других странах региона. Пандемия могла бы также дать толчок некоторым важным региональным инициативам, таким как создание Центра по борьбе с болезнями, который мог бы помочь поддержать распространение вакцин против *COVID-19* по всему региону, а также снизить будущий риск хронических и инфекционных заболеваний.

Хотя разработка вакцины от *COVID-19*, безусловно, приветствуется, она вряд ли обеспечит скорейший выход из кризиса. Ряд стран БВСА подписали соглашения о присоединении к глобальному доступу к вакцинам от *COVID-19* Всемирной организации здравоохранения [3]. Однако получение этого доступа не решит для ряда государств региона проблемы распространения вакцин из-за конфликтов между странами региона, а также отсутствия надлежащей логистической инфраструктуры, включающей хранилища лекарственных препаратов.

Присутствует надежда, что пандемия может подтолкнуть государства региона к проведению реформ в области государственного управления. Практически все страны создали центральные координационные комитеты по борьбе с коронавирусом, которые сыграли важную роль в повышении качества согласования политики и оперативной координации в регионе.

Наряду с пандемией *COVID-19* на обстановку в регионе БВСА влияют другие факторы и тенденции, которые имеют более раннюю историю своего возникновения. Особенно острыми из них являются рост радикального исламизма [4], проблема миграции, низкий уровень продовольственной безопасности, социальное расслоение, а также продолжающиеся гражданские конфликты в Сирии, Ливии и Йемене.

Программа конференции состояла из четырех рабочих заседаний. Открыл конференцию председатель оргкомитета, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром цивилизационных и региональных исследований, эксперт РАН И.В. Следзевский. На первом рабочем заседании (модератор – доктор исторических наук А.В. Коротаев) эксперты И.А. Бочаров, Н.Г. Гаврилова, А.В. Енокян, М.И. Махмутова, Н.А. Нефляшева, О.В. Карпачева выступили с докладами на тему влияния *COVID-19* на различные сферы социально-политического развития стран БВСА. Во втором рабочем заседании (модератор – кандидат исторических наук Н.А. Нефляшева) эксперты А.В. Коротаев, Б.В. Долгов, А.Р. Шишкина, Г.В. Шишкин, Е.М. Савичева, Е.В. Харитонова, В.И. Юртаев, В.П. Кириченко, К.К. Юлдашева подняли проблемы структурно-демографических рисков, а также внутренних и внешних факторов дестабилизации в регионе БВСА. На третьем заседании (модератор – кандидат политических наук Т.Р. Хайруллин) эксперты Р.С. Бобохонов, В.В. Зубов, Е.А. Кашин, А.С. Исхаков, К.В. Вертяев, А.И. Неклесса, Д.С. Поляков обсудили проблемы сирийского и ливийского кризисов, а также геополитическую расстановку сил в регионе БВСА. Четвертое заседание (модератор – кандидат исторических наук Т.Р. Хайруллин) эксперты А.В. Коротаев, Б.В. Долгов, А.Р. Шишкина, Г.В. Шишкин, Е.М. Савичева, Е.В. Харитонова, В.И. Юртаев, В.П. Кириченко, К.К. Юлдашева подняли проблемы структурно-демографических рисков, а также внутренних и внешних факторов дестабилизации в регионе БВСА.

ратор – кандидат психологических наук Е.В. Харитоновна) эксперты Л.Д. Оганисян, С.В. Костелянец, А.А. Хохлова, Е.С. Абдуллина, Т.Р. Хайруллин, С.П. Митрахович, А.Г. Сулейманян, А.Ю. Носков выступили с докладами на тему политического кризиса, исламизма и проблемы энергетической безопасности в регионе БВСА.

Вышеперечисленные эксперты представляли различные научные институты и исследовательские центры России, среди них: Институт Африки РАН, Институт Востоковедения РАН, Российский совет по международным делам, Российский университет дружбы народов (РУДН), Высшая школа экономики, Финансовый университет при правительстве РФ, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Русское географическое общество.

Влияние *COVID-19* на различные сферы социально-политического развития стран БВСА

Первое рабочее заседание открыл доклад референта Российского совета по международным делам И.А. Бочарова на тему «**Влияние пандемии *COVID-19* на экономику Арабской Республики Египет**». Автор доклада упомянул, что первый случай заражения коронавирусной инфекцией нового типа *COVID-19* в Египте был зарегистрирован 14 февраля 2020 г. Долгое время Египет входил в группу стран, официальные данные по которым внушали определенный оптимизм. Однако есть основания полагать, что официальная статистика не отражала реального положения дел. Согласно исследованию, проведенному учеными Университета Торонто, в то время, когда египетские власти сообщали всего о трех случаях заражения *COVID-19*, в Египте было заражено от 6 270 до 45 070 человек. Руководство страны отреагировало на пандемию с большим опозданием. В связи с пандемией коронавируса, в Египте были временно закрыты кинотеатры, театры и зоопарки, кроме того – в стране был введен комендантский час. Также в Египте отменили или перенесли культурные и спортивные мероприятия. Правительство было вынуждено перенести запуск ряда крупных проектов, среди которых – открытие Большого египетского музея в Гизе, а также новой столицы Египта – города Новый Каир.

По мнению И.А. Бочарова, государство было не готово к столкновению с пандемией, в том числе экономически. Египет долгие годы не может справиться с выходом из глубокого экономического кризиса, вызванного быстрым ростом численности населения. В феврале 2020 г. было объявлено о том, что численность населения Египта достигла отметку в 100 млн человек. При этом, по разным оценкам, от 33% до 60% египтян живут за чертой бедности, а прожиточный минимум составляет всего лишь \$45 в месяц. В этих условиях довольно трудно представить возможность принятия мер жесткого карантина, как в ряде европейских стран, так как это неминуемо ввергло бы Египет в еще более глубокий кризис. Возможно именно поэтому меры, предпринимаемые египетским правительством для борьбы с *COVID-19*, носили во многом косметический характер.

Падение цен на энергоносители привело к двум ключевым негативным тенденциям. Во-первых, ухудшился инвестиционный климат, и международные компании были вынуждены сократить объем инвестиций, направленных на проведение геологоразведочных работ в Египте. Во-вторых, падение цен на нефть спровоцировало волну сокращений сотрудников нефтяных компаний в странах Персидского залива, среди которых было немало трудовых мигрантов из Египта. Таким образом сократилось число денежных переводов в АРЕ из государств Персидского залива.

За март 2020 г. валютные резервы страны были сокращены на \$5 млрд. В связи с эпидемией *COVID-19* египетский фондовый индекс (*EGX*) рухнул, зафиксировав самое большое падение среди всех арабских фондовых рынков, и потерял 95 млрд египетских фунтов (около \$5,5 млрд). Был нанесен удар по военным компаниям, акции которых находятся в свободном обращении. Упали доходы, связанные с эксплуатацией Суэцкого канала.

Правительству Египта пришлось увеличить государственный долг, взяв краткосрочные займы под высокий процент. В мае и июне 2020 г. МВФ предоставил Египту два кредита общей суммой \$8 млрд для относительной стабилизации экономической ситуации в стране. Кроме того, АРЕ получила \$400 млн от Всемирного банка для поддержки системы здравоохранения.

Сейчас часть ограничительных мер, введенных в связи с пандемией коронавируса снята. Правительство постепенно возобновило работу многих предприятий. Это может спровоцировать увеличение числа зараженных *COVID-19*, ухудшение и без того непростой санитарно-эпидемиологической обстановки, которая в среднесрочной перспективе может привести к еще более тяжелым социально-экономическим последствиям.

Автор доклада предостерег, что представить Египет ближайшего будущего экономически стабильным государством не представляется возможным, если правительство АРЕ откажется от проведения давно назревших реформ. Преобразования могут быть связаны с диверсификацией экономики Египта, усилением контроля над деятельностью военных компаний, смещением фокуса усилий правительства с нерентабельных инфраструктурных проектов на развитие сельского хозяйства и промышленности. Пандемия коронавирусной инфекции *COVID-19* обострила проблемы, которые назревали в экономике Египта не одно десятилетие, и египетскому руководству необходимо срочно начать их решать.

Развивая тему, затронутую предыдущим ученым, сотрудник Центра изучения проблем переходной экономики Института Африки РАН Н.Г. Гаврилова сосредоточила свое внимание на **влиянии *COVID-19* на сельское хозяйство и продовольственную безопасность стран БВСА**. В частности, согласно Глобальному отчету о продовольственном кризисе, в конце 2019 г. в регионе Ближнего Востока и Северной Африки наблюдались три из восьми худших продовольственных кризисов (в Йемене, Сирии и Судане). Семь стран региона (Ирак, Йемен, Ливия, Палестина, Сирия, Сомали и Судан) вовлечены в вооруженные конфликты и подвержены высокому риску голода. В этих странах проживает более 28 млн человек, находящихся в кризисной ситуации.

Ожидается, что пандемия *COVID-19* может еще более усугубить ранее существовавшие опасности в затронутых конфликтами государствах. Население, столкнувшееся с продовольственным дефицитом, скорее всего прибегнет к заимствованиям, потреблению продуктов более низкого качества, следствием чего неизбежно станет возникновение и усугубление проблем со здоровьем.

Сельское хозяйство региона БВСА ведется в основном мелкими фермерами, и вследствие низкой оснащенности современными орудиями труда производство требует привлечения значительного количества рабочей силы. Ограничительные меры вызвали перебои во внутреннем предложении на рынке рабочей силы, а также нехватку сезонных рабочих из мигрантов, что уже негативно повлияло на производство фруктов и овощей, мяса и молочных продуктов.

Пандемия *COVID-19* затрагивает всю продовольственную систему: и внутренний, и внешний рынки. Некоторые страны региона, экспортные поступления которых в значительной мере зависят от сельского хозяйства, уже ощутили на себе последствия потрясений, исходящих от глобальных сельскохозяйственных рынков. Неустойчивый спрос со стороны торговых партнеров и сбои в логистике могут нанести ущерб стра-

нам, экспортирующим дорогостоящие скоропортящиеся продукты, такие как фрукты, овощи, рыба и мясо (Египет, Иордания, Мавритания, Марокко и Тунис). В большинстве случаев на экспорт поступает ограниченное число сельскохозяйственных товаров. Страны, являющиеся чистыми импортерами продовольствия и экспортирующие сырье, могут столкнуться с ситуацией, когда сокращение доходов от экспорта подорвет их способность приобретать на международных рынках достаточное количество продовольствия.

Изоляция вызвала коллапс туризма в Египте, Марокко и Тунисе, экономика которых сильно зависит от этого сектора. Паралич индустрии туризма ударил по агропродовольственному сектору этих стран из-за снижения спроса на продукты питания, которые обычно потребляются в отелях, ресторанах и на других туристических объектах.

Хотя кризис из-за пандемии *COVID-19* создал значительную нагрузку на экономику и общество, он также открыл возможности для преобразования сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности. Кризис указал также на потребность в инновациях, расширении и продвижении в сельском хозяйстве цифровых инструментов, особенно это касается мелких фермеров.

По мнению специалистов ФАО, странам региона следует сосредоточиться на разработке стратегических планов действий в области продовольственной безопасности для управления рисками, вызванными *COVID-19*, и смягчения его воздействия на продовольственную безопасность и питание, а также его потенциально дестабилизирующего воздействия на экономику и общество.

Главная цель в странах, затронутых пандемией, по мнению Н.Г. Гавриловой, заключается в том, чтобы не допустить дальнейший рост числа людей, испытывающих нехватку продовольствия. Для этого необходимо уделять первоочередное внимание оказанию гуманитарной помощи, расширению масштабов мер социальной защиты, предоставлению производственных ресурсов для поддержки продовольственной безопасности домашних хозяйств, а также обеспечению нуждающимся общинам постоянного и безопасного доступа к гуманитарной помощи.

Распространение *COVID-19*, безусловно, усилило дестабилизационные процессы в регионе БВСА. Одним из таких процессов является **проблема социальной миграции**, о которой высказался ассистент кафедры Теории и истории международных отношений РУДН А.В. Енокян. Автор доклада подчеркнул, что сегодня миграция остается одним из глобальных вызовов современности, и это наиболее масштабно и комплексно проявляется на Ближнем Востоке. В 2019 г. в мире насчитывалось около 272 млн международных мигрантов, что составляет примерно 3,5% мирового населения. Это число включает в себя людей, которые иммигрировали для работы и учебы, а также беженцы и перемещенные лица, покинувшие свои дома по причинам преследования по религиозным и иным мотивам, военных конфликтов и стихийных бедствий.

В результате мировой эпидемии данный вопрос еще больше обострился. Из-за пандемии коронавируса Евросоюз приостановил размещение новых беженцев из кризисных регионов, и в особенности из Ближнего Востока. Количество ближневосточных мигрантов, то есть переселившихся за пределы региона, достигло 5,5 млн человек, что делает этот регион главным источником миграции на глобальном уровне. К ним следует добавить 16,2 млн внутренне перемещенных лиц, проживающих во временных лагерях. В целом же, по данным Международной организации миграции (МОМ), внутри ближневосточного региона насчитывается 37,5 млн официально зарегистрированных мигрантов. Пандемия привела к резкому снижению потоков миграции.

Наступление *COVID-19* усугубило и без того сложные условия жизни мигрантов, а также беженцев, временно перемещенных лиц и других лиц, сталкивающихся с гуманитарными кризисами. Снижение иммиграции и высокий уровень безработицы в странах

назначения миграции негативно сказываются на ситуации в странах происхождения, особенно наиболее бедных, находящихся в значительной зависимости от денежных переводов, которые трудящиеся-мигранты отправляют домой.

Ближневосточные страны, в свою очередь, закрывают свои границы, тем самым ограничивая миграционные потоки. Рост инфицирования коронавирусом наблюдается почти во всех странах Ближнего Востока, включая Иран, Ирак, Катар, Ливан, Сирию, Кувейт и т.д. Ограничение мобильности также нарушило доставку гуманитарной помощи и во многих случаях ограничило доступ к системам здравоохранения для некоторых наиболее уязвимых категорий населения стран Ближнего Востока, таких как беженцы и внутренне перемещенные лица. Правительства стран региона оказались неготовыми к таким трудностям и неспособными решать вопрос социальной и трудовой обеспеченности населения.

Социальное напряжение в регионе не перестает расти, а ситуация выглядит стабильно тревожной. Вспышка *COVID-19* ещё больше выявила слабость экономической системы, что создало проблемы для работы гуманитарных организаций по оказанию помощи беженцам. Более половины зарегистрированных сирийских беженцев в Ливане живут в плохих условиях, когда доступ к жизненно важным ресурсам, таким, как питьевая вода, ограничен, что подвергает их большому риску заражения вирусом. Кроме того, страх перед этнической стигматизацией и неясными перспективами получения медицинской помощи помешали некоторым беженцам с подозрением на наличие симптомов коронавируса обратиться за медицинской помощью из-за опасений быть депортированными.

Наблюдается опасная тенденция среди радикальных группировок Ближнего Востока, которые решили использовать пандемию коронавируса в своих пропагандистских целях. Сторонников ИГИЛ, Талибана, аль-Каиды и еще десятка запрещенных в РФ террористических организаций, которые не отказались от идеи всемирного халифата и джихада против «неверных», коронавирус не заставил изменить свою тактику. Джихадисты¹ начали использовать слоган «Коронавирус – это солдат Аллаха». По мере распространения вируса джихадисты стали делать акцент на том, что пандемия является не только наказанием «неверных», но и важным испытанием для самих мусульман на верность Всевышнему.

На фоне пандемии коронавируса новый миграционный кризис стал главной проблемой не только для Ближнего Востока, но и для Евросоюза. В результате ограничений на международные перевозки многие мигранты попали в ловушку: они потеряли работу, но не имеют возможности вернуться на родину, проживают в скученных, порой антисанитарных, условиях, где особенно велик риск заражения коронавирусом. Взрывная ситуация наблюдается по всей Европе, которая в основном связанная с мигрантами и беженцами из Ближнего Востока.

Проанализировав общерегиональные проблемы, вызванные *COVID-19*, докладчики сосредоточили свое внимание на влиянии пандемии на отдельные страны БВСА. В частности, соискатель Института Востоковедения РАН М.И. Махмутова рассказала о **влиянии пандемии *COVID-19* на марокканскую экономику.**

Автор доклада отметила, что в связи с беспрецедентной волной пандемии *COVID-19* экономика Марокко столкнулась с тяжелыми последствиями. В начале марта 2020 г. был зарегистрирован первый случай заражения коронавирусом, и из-за быстрого его распространения Рабат был вынужден объявить карантинные меры. Власти страны вве-

¹ Сторонники джихада, боевики. Джихад (от араб. الجهاد – «усилие») – понятие в исламе, означающее усердие на пути Аллаха, борьба за веру. Понятие военного джихада (вооружённой борьбы за распространение ислама) стало основным значением слова для немусульман и получило название «священная война».

ли запрет на передвижение дальше жилого пространства, оставили открытыми только продуктовые магазины, аптеки и больницы. 19 марта в Марокко объявили чрезвычайное положение.

Пострадали глобальные цепочки торговли, что сказалось на снижении активности частного сектора в стране, поскольку пострадало примерно 70% предприятий. Рабат столкнулся также с сокращением валютных переводов от представителей марокканской диаспоры за рубежом, примерно на 5% до \$6,6 млрд. Очень резко снизился приток иностранных инвестиций. Только по предварительным оценкам они упали на 49% до \$6,8 млрд. Доходы от туризма, составляющего порядка 7% ВВП, упали на 98%.

С сокращениями столкнулся сектор автомобилестроения, так как компании *PSA Peugeot Citroën* и *Renault Group* приняли решение о закрытии предприятий с марта по июнь 2020 г., опасаясь роста заражений среди своих работников. По причине того, что марокканские банки зависимы от французских, из-за падения *Société Générale*, *Crédit Agricole*, *BNP* и других на фондовом рынке Рабат чуть не столкнулся с масштабной волной инфляции. Чтобы избежать ее, Центральный банк страны был вынужден дважды снизить ключевую процентную ставку и установить ее на уровне 1,5%.

Для противодействия кризису правительство было вынуждено разрабатывать все возможные меры. Премьер-министр С.А. аль-Османи одобрил закон, по которому королевство может делать неограниченное количество внешних займов. Это позволило ему обратиться за помощью к ЕС, МВФ, Всемирному банку, Африканскому банку развития, Арабскому валютному фонду. Обратной стороной медали такой политики может стать резкий рост внешнего долга до 80% ВВП.

Для облегчения положения на внутреннем рынке государство ввело отсрочки по налоговым выплатам, взяло на себя обязательства по выплатам 95% ссуд микро, малых и средних предприятий, а также запустило программу льготных кредитов для бизнеса под 4% годовых. В связи с тем, что такая политика чревата потерей ликвидности частных банков, Рабат сделал ставку на развитие исламского банкинга.

Резюмируя, М.И. Махмутова отметила, что Марокко пошло по пути сотрудничества государства и частного сектора в крайне сложный период. В перспективе меры, нацеленные на нивелирование последствий кризиса, приведут к большей зависимости национальной валюты от евро и росту внешнего долга. В случае, если страна вновь не столкнется с подобными вызовами, восстановление ее экономики прогнозируется к 2023 г.

Развивая тему выступления предыдущего докладчика, сотрудник Центра цивилизационных региональных исследований Института Африки РАН О.В. Карпачева выдвинула свою точку зрения относительно **влияния COVID-19 на экономическую и политическую жизнь в марокканском государстве.**

В частности, после волны терактов 2013–2016 гг., прокатившейся по всей Европе, эксперты начали ставить под сомнение не только эффективность принятых ранее способов борьбы, но и саму возможность противостояния угрозам безопасности со стороны скрытых оппозиционных сил традиционными способами. Данная мысль все чаще становилась предметом обсуждения в СМИ и антитеррористических организациях, в особенности после ряда терактов в крупных столицах мира, которые не удалось предотвратить.

Большинство стран после событий «арабской весны» обновили свой арсенал антитеррористических методов. В Марокко также была разработана новая государственная стратегия противодействия терроризму. Важная роль в политике государства в данном направлении была отведена решению политических, экономических, социальных, религиозных проблем, вопросов безопасности и прав человека. Стратегический курс сочетал в себе вопросы улучшения социально-экономических условий в стране, религиоз-

ные реформы, пропаганду «умеренного ислама», работу с заключенными и ряд других антитеррористических мероприятий. И, несмотря на ограниченные финансовые и материально-технические возможности, в последние пять лет государство Марокко оставалось практически неуязвимым для террористических атак, что свидетельствует об очевидном успехе программы. В то время как в 2011–2017 гг. в Европе, Северной Африке и Сахеле участились теракты, Марокко пережило лишь одну террористическую атаку в Марракеше в апреле 2011 г.

Правительство Мухаммеда VI смогло учесть мировые тенденции развития и осложняющие факторы в виде Исламского государства и его экстремистской политики. Несколько лет подряд эксперты выделяли Марокко как пример успешного подхода к борьбе с радикальными политическими активистами. Однако эпидемия коронавируса внесла свои коррективы, баланс и стабильность в королевстве оказались под угрозой. Правительством были приняты многочисленные решительные меры в марте-апреле 2020 г., практически сразу, с появлением первого зараженного коронавирусом марокканца. Март, апрель, май и июнь прошли в Марокко под знаком строгого карантина. Однако начиная с конца июля правительство было вынуждено планомерно ослаблять ограничительные меры, чтобы дать возможность «вернуться к нормальной жизни» туристической сфере. В середине июля 2020 г. было разрешено заполнять отели на 100%. Одновременно с этим рост заболевших коронавирусом продолжался, и власти ввели запрет на въезд и выезд из 8 крупнейших городов королевства, сохранив при этом режим чрезвычайного санитарного положения.

Несмотря на все принятые меры, пандемия сказалась на экономической ситуации в стране. Согласно данным *Morocco World News* от 19.07.2020 г., дефицит бюджета за первую половину 2020 г. составил \$3 млрд. По данным за октябрь и ноябрь значительно сократились темпы роста ВВП, вырос уровень безработицы и уровень инфляции.

Власти Марокко были вынуждены сократить финансирование большого комплекса программ, направленных на дерадикализацию населения, что, несомненно, скажется в ближайшем будущем. И если в марте было принято решение о закрытии в стране всех мечетей, то в октябре, несмотря на рост распространения инфекции, мечети начали массово открываться. Данное решение было принято с целью сдержать растущее недовольство населения усложнившейся экономической ситуацией в стране.

До пандемии Марокко считалось самым устойчивым государством в Северной Африке, планомерно продвигающим социальные реформы и, тем самым, противостоящее развитию экстремистских настроений. Учитывая огромный опыт успешной работы, следует предположить, что с последствиями пандемии правительство успешно справится, не зря Марокко долгие годы расценивалось экспертами как наиболее стабильная страна в Северной Африке.

Поскольку регион БВСА является частью «афразийской» зоны, сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН Н.А. Нефляшева коснулась в своем докладе **проблемы влияния COVID-19 на другой регион, входящий в состав «афразийской» зоны – Юг России.**

Геополитические интересы стран Ближнего Востока в южных регионах России – устойчивый тренд современной политической повестки. Недавнее прекращение боевых действий в Нагорном Карабахе и изменение конфигурации мирного урегулирования показало, как актуализируются стратегические интересы Турции в регионе Большого Кавказа.

В этих условиях рассмотрение динамики миграционных, социальных, информационных процессов на Юге России, обусловленной COVID-19, может иметь особое значение в плане оценки развития внутренних (явных и латентных) линий напряжения в регионе в ближайшее время.

Анализируя информационный аспект, научный сотрудник отметил, что высокий уровень безработицы, рост преступности, растущие страхи населения за свое будущее в значительной степени объясняют то, почему на Северном Кавказе спекуляции о мировом заговоре и неверие в существование вируса падали в весенний период 2020 г. на благоприятную почву. Во время первого, весеннего, локдауна общество разделилось по новым линиям, прежде всего по принципу отношения к самой пандемии: одни дисциплинированно следовали требованиям самоизоляции, другие транслировали дискурсы всемирного заговора, чипизации населения и считали, что угроза *COVID-19* завышается властями, журналистами и даже самими врачами.

Официальные СМИ в регионах, официальная статистика, официально поставленные диагнозы вызывали недоверие, в первую очередь из-за того, что в конце марта – начале апреля не давали достаточной информации об опасности коронавируса, о его распространении в каждом субъекте Юга России. В то же время аккаунты, телеграмм-каналы, паблики сельских районов, отдельных сёл, даже отдельных школ давали, как правило, оперативную и адекватную информацию. В период марта-мая 2020 г. в регионе имел место информационный хаос, распространение фейковых новостей. Отражением этих процессов служит несанкционированный митинг (сход) во Владикавказе 20 апреля 2020 г., в котором участвовали почти 1,5 тысячи человек. И хотя люди на площади так и не смогли четко сформулировать свои требования (одни призывали к отставке главы региона и всего правительства, вторые выступали за освобождение инициатора митинга оперного певца Чельдиева, в одночасье ставшего символом ковид-диссидентства, третьи жаловались на ухудшение финансового положения населения), митинг поднял проблемы доверия к региональным властям, к официальной информации и возможности политических манипуляций большими группами людей.

Важным элементом исследования ученого является общественная самоорганизация в период пандемии. Общество на Юге России показало способность к самоорганизации – в районах и селах Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, где наблюдались вспышки коронавирусной инфекции, а количество мест в больницах и оснащенность медицинским оборудованием были недостаточными, люди сами через социальные сети организовывали сбор средств и приобретали необходимое оборудование, лекарственные препараты. Большую помощь оказали меценаты, особенно в таких республиках, как Дагестан, Северная Осетия, Ингушетия, Адыгея, Кабардино-Балкария.

Отдельно следует сказать о социальной активности и самоорганизации отдельных джамаатов². Она заключалась не только в помощи врачам, финансировании малоимущих семей, но и во введении локальных карантинных и запретов на въезд и выезд в отдельных селах. Пандемия сломала привычные схемы взаимодействия людей друг с другом (прежде всего, младших со старшими, оказавшимися в группе риска), а также поставила вопрос о проведении таких, казалось бы, незыблемых ритуалов как празднование рождения ребенка, свадьбы, похороны. Благодаря обращениям и проповедям муфтиев и имамов, их постоянной активности в социальных сетях, многие люди еще до того, как большая часть мечетей была официально закрыта, отказались от походов в мечеть на пятничный намаз, от совершения коллективных зикров³, отменили свои семейные мероприятия или ограничили число их участников. В настоящее время выражение соболезнования дистанционным образом заменяет традиционный траур. Все соборные мечети региона организовали раздачу недельных пайков, организовали помощь нуж-

² Джамаат (араб. جماعة «общество, коллектив, община») – объединение группы мусульман с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой и т. п.

³ Зикр (араб. ذكر – поминание) – исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Бога.

дающим семьям, независимо от их вероисповедания. В период весенней вспышки в крупные мечети поступало в среднем около 150–200 звонков в день от нуждающихся. Мусульманскими активистами создавались мотивирующие и поддерживающие врачей ролики, организовывались в месяц Рамадан ифтары⁴ для врачей.

В связи с распространением пандемии в марте-апреле случилось обратное движение на Юг России из крупных городов России, чтобы переждать локдаун. Приезжали из Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных городов европейской России. Трудовые мигранты, работающие на Севере и в Сибири предпочитали переждать тревожное время в родных местах. В Дагестане, по мнению заместителя председателя Русского географического общества А.З. Саркарова, именно это движение из крупных городов на родину обусловило всплеск заболеваний в горных селах.

В связи с пандемией коронавируса Россия и другие страны к концу марта 2020 г. стали закрывать границы и прервали авиасообщение, при этом временной промежуток между принятием соответствующих решений и их реализацией оказался совсем небольшим, а информирование – скудным. В результате тысячи трудовых мигрантов оказались запертыми в своих регионах. Мигранты из многих стран остались в России, в том числе на территории Северо-Кавказского федерального округа и Южного федерального округа. В дагестанском селе Куллар, где был разбит палаточный городок для азербайджанцев, желающих выехать на родину; в Ростове-на-Дону несколько тысяч узбеков, въехавших в Россию на сезонные сельскохозяйственные работы, были вынуждены разбить стихийный лагерь на станции Первомайская.

Проблемы структурно-демографических рисков, а также внутренних и внешних факторов дестабилизации в регионе Ближнего Востока и Северной Африки

Пандемия коронавируса стала мощным фактором, дестабилизирующим положение в регионе, в связи с чем второе заседание конференции было посвящено анализу всего спектра угроз. Начато обсуждение с выступления сотрудника Центра арабских и исламских исследований Института Востоковедения РАН Б.В. Долгова, который в своем докладе акцентировал внимание на **внутренних и внешних факторах дестабилизации в регионе БВСА**.

Процессы дестабилизации на Ближнем Востоке и в Северной Африке, начавшиеся в 2010-х гг. в ходе протестных выступлений «арабской весны», затронувших большинство стран региона, приведших к краху правящих режимов в ряде арабских стран, подъему движений политического ислама, в т.ч. их радикальных течений и возникновению вооруженных конфликтов, продолжают иметь место. Эти процессы обусловлены, как внутренними, так и внешними факторами.

Основными внутренними причинами стало обострение социально-экономических проблем. Важным фактором нарастания протестных настроений и дестабилизации общества являлась коррупция и nepотизм десятки лет стоявших у власти правящих режимов. Значительную роль играл также демографический фактор, так как в большинстве арабских стран молодежь в возрасте до 30 лет составляет до 50% населения.

Продолжением процессов, начавшихся в ходе «арабской весны», стали протестные движения в ряде арабских стран в 2018–2020 гг. Их результатом стала смена правительств в Алжире, Судане, Ливане и Ираке, а также досрочное избрание президентом Туниса Каиса Саида в связи с кончиной президента Беджи Каида ас-Себси и избрание спикером тунисского парламента в ноябре 2019 г. лидера исламистской партии ан-Нахда Рашида Ганнуши, происходившие также на фоне протестных манифестаций.

⁴ Ифтар – вечерний прием пищи, который проводится после захода солнца до совершения вечерней молитвы.

В то же время социально-экономический кризис, переживаемый большинством стран Арабского мира, которые воспроизводили западную общественно-экономическую модель, можно рассматривать в более широком плане, как следствие и часть глобальных негативных явлений, происходивших в мировой экономике, которые можно отнести к внешним факторам по отношению к рассматриваемому региону. Они обусловлены тем, что основной принцип данной модели, предполагающий достижение максимальной прибыли при минимальных затратах и, соответственно, максимальную рентабельность производства, наряду с определенным позитивным макроэкономическим эффектом, несет и значительные негативные последствия. А именно, рост безработицы, снижение уровня жизни значительных слоев населения и увеличение числа нищих, а также расслоение общества, что ведет к усилению социальной напряженности. Подтверждением этих процессов стало обострение кризисных явлений в странах Запада, усилившихся в последнее десятилетие также в связи с имевшей место в США и ЕС деиндустриализацией. А также глубоким социально-политическим кризисом в США, проявившимся в беспрецедентных по размаху и накалу противостояния протестных движениях в 2020 г., и протестными манифестациями в странах ЕС, усилившимися в связи с нарастанием экономических проблем, вызванных пандемией коронавируса.

Что касается движений политического ислама, то их подъем в арабском мире был обусловлен системным кризисом, в котором действовали его социально-экономическая, политическая и идеологическая составляющие. Западный либерализм не был принят большинством арабских социумов, считавших данную идеологию чуждой традиционным исламским ценностям. В результате образовавшийся своеобразный идеологический вакуум стал заполняться исламистской идеологией, в том числе радикальными ее течениями, представлявшей собой социальный и отчасти цивилизационный протест, выраженный в религиозной форме. Причем наиболее радикальные исламистские идеологи ставили своей целью реализацию путем джихада исламского проекта не только в арабо-мусульманском мире, но и создание всемирного халифата.

В регионе продолжают в настоящий период сирийский и ливийский конфликты. В этой связи необходимо подчеркнуть, что если крушение режимов в 2011 г. в Тунисе, Египте, Йемене было обусловлено внутренними факторами, то свержение такового в Ливии и продолжение конфликта в Сирии, связано с вмешательством внешних акторов. Причем в сирийском конфликте после подавления ИГИЛ к 2018 г. главными причинами продолжения кризиса являются действия прежде всего Турции и США. Турция, являясь наряду с Россией и Ираном страной-гарантом Астанинских соглашений, тем не менее поддерживала сирийские исламистские группировки, разделявшие идеи «братев-мусульман», определяя их, как умеренную оппозицию. Это обусловлено, прежде всего, тем, что нынешнее турецкое руководство, представленное Партией справедливости и развития (ПСР) исповедует доктринальные концепции, идеологически близкие «братьям-мусульманам», а также определенными экспансионистскими целями Турции в отношении Сирии и региона в целом. Такая позиция Турции проявилась в Сирии в районе города Идлиба в феврале 2020 г. в конфликте между сирийской правительственной армией и лояльными Турции исламистскими группировками, объединившимися в т.н. Джабхат ватанийя ли-т-тахрир (Национально-освободительный фронт). В Сирии дислоцируются также воинские подразделения США и их союзников, которые формируют на подконтрольной им территории отряды антиправительственных боевиков.

В Ливии после краха в 2011 г. режима М. Каддафи, произошедшего в результате прямой военной поддержки странами НАТО противников Каддафи, представленных по большей части исламистскими группировками, продолжается гражданский конфликт, в котором каждого из его участников поддерживают внешние акторы. Правительство национального согласия (ПНС) – Турция и Катар. Временное правительство и парламент,

поддерживаемый возглавляемой маршалом Халифой Хафтаром Ливийской национальной армией (ЛНА) – Египет, КСА, ОАЭ и в известной мере Франция и Греция.

Подводя итоги своего исследования Б.В. Долгов отметил, что как внутренние, так и внешние факторы, способствующие продолжению дестабилизирующих процессов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, продолжают действовать. Причем социально-экономические проблемы могут обостряться из-за пандемии коронавируса. Наряду с этим влияние внешних акторов в конфликтных зонах также продолжается и даже нарастает, учитывая действия Турции в азербайджано-армянском конфликте в ноябре 2020 г., который также усиливает нестабильность в регионе в связи с участием в нем сирийских боевиков, подконтрольных Турции.

Проблемы, поднятые в докладе Б.В. Долгова были подхвачены следующими докладчиками из Института Африки РАН и РУДН Е.М. Савичевой, Е.В. Харитоновой, В.И. Юртаевым, которые представили исследование на тему **«Ближний Восток: тенденции и факторы развития региона (по материалам полевых исследований)»**.

Авторы доклада подчеркнули, что в современных условиях одним из решающих факторов в борьбе за влияние в ближневосточном регионе становится комплексная многофакторная конкурентоспособность, которая, помимо военных, экономических, финансовых и дипломатических возможностей, включает в себя такие факторы, как знание базовых запросов представителей молодежи, их представлений о причинах кризиса и о вероятных трендах развития, специфики их запроса на международное сотрудничество. Многие государства региона, находясь в непростой геополитической и экономической ситуации, именно сейчас должны сделать выбор пути развития как во внутренней, так и во внешней политике, ориентируясь в том числе на коллективные представления своих граждан.

Эмпирической базой исследования выступили данные опроса, собранные исследовательской группой под руководством авторов. Анкетирование проводилось по авторской методике (Е.В. Харитонova⁵). Изучались социальные представления молодежи о значимых факторах кризиса и способах его преодоления. Респондентами являлись представители землячеств стран Арабского Востока, всего 158 анкет (47 в землячестве Ливана, 111 анкет в землячествах других стран Ближнего Востока), 82 мужчины и 53 женщины.

Проведен сравнительный анализ в подгруппах, сформированных по возрасту и по принадлежности к разным конфессиям (мусульмане и не-мусульмане). Страновые различия в рамках настоящего исследования не определялись, приведены данные по региону в целом.

Определено 5 основных предпочитаемых факторов регионального развития, составляющих социальные представления арабской молодежи о развитии региона:

1. Совершенствование правового поля в стране/регионе, преодоление коррупции, преступности;
2. Ориентация на конфессиональный консенсус, межэтническое и межконфессиональное сотрудничество, включая «интраконфессиональное согласие»;
3. Суверенитет, собственный путь развития страны/региона, альянс ближневосточных государств – «изоляция»;
4. Военная сила, создание или закупка новейших систем вооружения, вероятно, наличие оружия сдерживания – фактор, отражающий ситуацию в регионе (наличие внешних военных угроз, террористические угрозы);
5. Национальная идея, патриотическое воспитание молодежи, потребность в «образе будущего», мессианстве, жизненных целях и ориентирах. В этом факторе отражено соединение прошлого (уважение к традициям) и будущего (наличие целей).

⁵ При участии А.Г. Сулейманяна.

Проведенное исследование показывает, что существенным фактором кризиса в регионе является внешнее влияние, создающее военную, политическую, экономическую напряженность в регионе.

Молодежь Арабского Востока не видит тупика в сложившейся, хотя и очень сложной, ситуации. Значение приобретает ориентация на суверенитет, внутреннее развитие, создание прочного альянса ближневосточных государств, акцент на проработку национальной идеи, патриотическое воспитание молодежи, уход от моноконфессионального тренда развития региона, который доминировал в последнее десятилетие.

Респонденты отмечали, что их страны нуждаются в экономической, социальной и политической безопасности. Это невозможно без чувства патриотизма и без прочных отношений с дружественными странами, такими как Россия, а также государства Арабского Востока.

У России, по результатам исследования, наибольшие, но пока недостаточно прочные позиции. Предстоит целенаправленная работа, сконцентрированная на важнейшей в наши дни геополитической задаче, которая должна включать в себя как привычные (политические, экономические, военные) формы сотрудничества, так и все возможности «мягкой силы».

Конфессиональный аспект, затронутый Е.М. Савичевой, Е.В. Харитоновой и В.И. Юртаевым, был подхвачен и проанализирован следующим докладчиком, сотрудником Института Востоковедения РАН В.П. Кириченко. В частности, он акцентировал свое внимание на **положении шиитского населения Бахрейна после событий «Арабской весны» 2011 г.**

Шииты составляют 55–60% населения Бахрейна. При этом Бахрейном управляет суннитская династия аль-Халифа. Шиитское население Бахрейна подвергается нападкам и дискриминации со стороны властей. Так, шиитов не принимают на работу в силы безопасности, а именно эти спецслужбы являются крупнейшими работодателями в стране. Власти Бахрейна традиционно смотрят на шиитов как на «пятую колонну» Ирана. Положение с правами шиитов в Бахрейне не улучшилось после событий «арабской весны». В 2011 г. в стране начались демонстрации в поддержку демократических реформ. Позже протестующие стали требовать отставки премьер-министра Халифы бен Салмана аль-Халифы и даже отставки короля. При этом шиитское движение «аль-Ви-фак» не выдвигало радикальных требований, а выступало лишь за смену правительства и за то, чтобы оно избиралось, а не назначалось королем. Протестовавшие шииты также жаловались на то, что власти Бахрейна, по их мнению, стремятся изменить конфессиональный состав населения Бахрейна, предоставляя гражданство иностранцам-суннитам. Демонстрации вылились в столкновения с полицией. Правительство Бахрейна в конечном итоге подавило протесты с помощью военной силы, при поддержке Саудовской Аравии.

В 2014 г. двое шиитов были признаны виновными во взрыве бомбы, в результате которой погиб полицейский. Обвиненные отрицали свою причастность к преступлению и заявили о примененных к ним пытках. В 2017 г. они были казнены.

В 2016 г. группа независимых экспертов ООН по правам человека выразила глубокую озабоченность по поводу того, что они считают «систематическим преследованием» шиитского населения и религиозных лидеров, включая лишение многих гражданства.

Иран пристально следит за судьбой единоверцев в Бахрейне. Иранскими СМИ оштрафовалась ситуация с застрявшими в Иране из-за пандемии *COVID – 19* бахрейнскими паломниками-шиитами. Манама утверждает, что Тегеран разжигает волнения в островном государстве. В свою очередь, Иран отрицает это обвинение. Положение шиитов в Бахрейне остается тревожным. Такая ситуация может способствовать дестабилизации политической обстановки в стране.

Ливийский и сирийский кризисы, геополитическая расстановка сил в регионе БВСА

Во время третьего рабочего заседания широко и подробно была освещена проблема ливийского кризиса. Сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН Р.С. Бобохонов выступил с докладом на тему «**Ливия: системная нестабильность и начало глобального конфликта**». Свой доклад Р.С. Бобохонов начал с предыстории кризиса, который охватил ливийское государство в 2011 г. и продолжается по сей день.

После свержения М. Каддафи политическая ситуация Ливии на протяжении многих лет так и не стабилизировалась. Эта нестабильность с каждым годом все больше приобретает системный характер. Некоторые эксперты и исследователи, изучающие Ливию убеждены, что с приходом фельдмаршала Х. Хафтара в Ливии произойдут коренные преобразования и, возможно, начнется постепенное улучшение социально-экономической, политической, военной и религиозной ситуации в стране. Однако убедительной его победы пока не наблюдается. Таким образом, нестабильность в Ливии консервируется на долгие годы вперед.

С 2011 г. Ливия остается расколотой. Триполи и запад страны пытаются контролировать Правительство национального согласия (ПНС) во главе с Файезом Сарраджем. Восток – вотчина Ливийской национальной армии (ЛНА) под командованием фельдмаршала Х. Хафтара. В апреле 2019 г. ЛНА начала наступление на Триполи под предлогом борьбы с терроризмом. Это наступление продолжается по сей день, и Ливия находится в состоянии полномасштабной гражданской войны.

Несмотря на то, что значительную часть ПНС составляют исламисты, оно считается легитимной силой и признано многими правительствами⁶. А ЛНА, хоть и контролирует большую часть страны, считается силой мятежной, нелегитимной. Следует отметить, что ЛНА дистанцируется от исламистской риторики, пытается сохранять светский уклад как в самой армии, так и на контролируемых ею территориях. Лидер ЛНА, фельдмаршал Х. Хафтар, и рядовые ее члены являются мусульманами и рассматривать эту силу, как антимусульманскую, ни в коем случае не следует. Но в первую очередь это все-таки регулярная армия европейского образца, военная победа которой вряд ли приведет к построению очередной исламистской автократии.

У ПНС, как это ни странно, не так уж много явных сторонников. Точно можно отметить всего двух – Турцию и Катар. С некоторыми оговорками можно сказать, что на этой стороне и Вашингтон, но это особый случай, и об этом чуть ниже.

У ЛНА список союзников шире. И в первую очередь – это не Россия, как можно было бы подумать, а Египет. Это государство является соседом Ливии, имеет с ней весьма протяженную и плохо укрепленную общую границу, а поэтому заинтересовано в том, чтобы на территории Ливии не нашли прибежище разного рода исламистские террористические организации. Египет сделал четкую ставку на Хафтара и ЛНА, а с учетом того, что Каир имеет сильнейшую армию во всем арабском мире, это весьма серьезно.

Также к числу сторонников ЛНА можно отнести ЕС. Да, как ни странно, Брюссель предпринимает некоторые шаги, вызывающие резкое осуждение у Триполи. В частности, с 1 апреля 2020 г. в Средиземном море, у берегов Ливии, начала работу европейская военная миссия *IRINI*, направленная на предотвращение нелегальных поставок в Ливию оружия и боеприпасов. Согласно мандату миссии, боевые корабли стран-участниц могут досматривать суда, направляющиеся в ливийские порты, и арестовывать

⁶ Легитимность ПНС фактически признают 126 государств-членов ООН.

имеющиеся там грузы военного и двойного назначения. Эта миссия европейцев вызвала резкое неприятие у ПНС, которое почувствовало в ней угрозу своим интересам.

Миссия *IRINI* пришла на смену действовавшей ранее миссии «София»⁷, целью которой был контроль морского пространства для предотвращения массовой нелегальной миграции из Ливии (и всей Северной Африки) в Европу. Это еще один сильнейший раздражитель в отношениях между нынешним официальным Триполи и ЕС – группировки, которые сейчас входят в ПНС, ранее зачастую «крышевали» незаконный миграционный бизнес, а потому не очень спешили навести порядок в этом вопросе. Об этом, разумеется, помнят в Италии, наиболее пострадавшей от наплыва мигрантов, да и в некоторых других европейских странах.

Следует отметить, что Италия является весьма заинтересованным игроком в данной ситуации. Для нее доминирующим фактором является безопасность поставок энергоносителей из Северной Африки, причем не только из Ливии. В Риме прекрасно понимают, что исламистские силы, если им удастся одержать верх в Ливии, способны дестабилизировать и соседний Алжир. Это критично, поскольку Италия сильно зависит от алжирского газа, получаемого по морскому газопроводу. Более того, из Алжира идет и другой транс-средиземноморский газопровод, Магриб–Европа, через который осуществляются основные поставки газа в Испанию и Португалию, что в еще большей степени влияет и на позицию Брюсселя – там мало кто верит, что наполовину состоящее из экстремистов ПНС сможет обеспечить стабильность в Ливии и экстремистская активность не распространится оттуда на соседние государства. А вот на Хафтара надежда есть – до сих пор его риторика не шла дальше поздравлений с мусульманскими праздниками.

Важно отметить, что осложнение отношений ЕС с Турцией имеет и еще одну причину – Анкара не хочет соблюдать разграничение шельфовых зон в Эгейском и Средиземном морях, начав разведку газа на участках шельфа, закрепленных за Грецией. И тут, несмотря на общее членство в НАТО, ЕС вспоминает о том, что Греция является членом этой организации, а Турция – нет. Поэтому, вероятно, командовать миссией *IRINI* назначили греческого адмирала Теодороса Микропулоса.

Россия может более активно участвовать в этом конфликте, но это будет в ущерб дальнейшему сближению с Турцией. С другой стороны, об интересе Москвы к Центральной Африке уже известно. В частности, бойцы ЧВК «Группа Вагнера», ныне воюющие в Ливии, ранее успели побывать и в ЦАР, и в некоторых других точках Африканского континента.

И только теперь мы можем попытаться понять мотивы, которые движут Вашингтоном. Увы, они банальны – сдерживание Москвы. Вероятно, из значимых игроков нам осталось обратить внимание только на Саудовскую Аравию и ее традиционных союзников в лице монархий Персидского залива (кроме Катара). Следует отметить, что их позиция во многом зависит от Египта. Арабские монархии крайне заинтересованы в Египте, как в единственной, возможно, силе, готовой послать войска в случае иранской агрессии.

Возвращаясь к началу анализа, Р.С. Бобохонов отметил, что ситуация в Ливии нетипична. Развитие событий в этой стране свидетельствует о начале нового этапа в мировой геополитике. Впервые за долгие десятилетия в мире разрастается военный конфликт, не имеющий четко выраженной блоковой «опеки», а потому непредсказуемый в своей перспективе. Разновекторные устремления основных «заинтересованных сторон»

⁷ Военно-морская операция ЕС у берегов Ливии, созданная для борьбы с контрабандистами и спасения беженцев. Миссия ЕС "София" была начата в 2015 г. на фоне миграционного кризиса. В операции были задействованы корабли военно-морских сил стран Евросоюза, проводившие гуманитарные операции в международных водах у побережья Ливии. За три года было спасено около 50 тысяч человек. В 2019 г. было принято решение прекратить миссию.

чреватые, помимо прочего, началом двух-трех параллельных конфликтов, что при очень неудачном стечении обстоятельств может привести и к глобальному конфликту.

В полемику с Р.С. Бобохоновым относительно неоднозначности ливийского кризиса вступил сотрудник Департамента политологии Финансового университета при правительстве РФ В.В. Зубов, который сосредоточился в своем докладе на **внутриполитических и внутриблоковых проблемах, препятствующих разрешению кризиса**.

Автор доклада отметил, что противостояние различных политических сил в Ливии, продолжающееся на протяжении последних десяти лет при активном иностранном участии, как представляется, в значительной степени подвержено влиянию факторов, выходящих за рамки традиционного противостояния государств как основных акторов в мировой политике.

Данная особенность обуславливается отсутствием полноценной субъектности государственных образований, существующих в настоящий момент на территории Ливии, а также ее географическим положением и природно-ресурсным потенциалом, которые привлекают в страну наиболее активные и влиятельные государства, зачастую являющиеся формальными союзниками в рамках различных объединений и имеющих при этом противоположные интересы.

Развитие ливийского кризиса в 2020 г., тесно связанное с эпидемией *COVID-19* в совокупности с ее негативными последствиями, влияющими на экономическую и социальную обстановку в указанных государствах, и иными трудностями ключевых акторов в регионе, напрямую зависит от их возможности выделять достаточное количество ресурсов для участия в данном противостоянии.

При этом можно сделать предположение об отсутствии непосредственного влияния эпидемии *COVID-19* на обстановку в подавляющем большинстве стран Ближнего Востока и Африки в целом и в частности в Ливии, что ярко подтверждается активизацией боевых действий в Триполитании между силами ПНС и ЛНА в период первой волны *COVID-19* (весна – начало лета 2020 г.).

Последствия эпидемии, косвенно повлиявшие на значительное число процессов и событий в наиболее влиятельных государствах, участвующих в ливийском противостоянии, по различным причинам вынудили рассматриваемых акторов как снизить свою активность в Ливии (США, Франция), так и нарастить свое присутствие в стране (Турция).

Перспективы урегулирования кризиса в контексте влияния на них последствий эпидемии *COVID-19*, с одной стороны, становятся более реалистичными в связи с ограниченностью ресурсов стран-участниц ливийского конфликта в нынешних условиях, которая ведет к уменьшению иностранных вливаний в военный потенциал противоборствующих сил в Ливии, но, с другой стороны, до сих пор не ясны окончательно в связи с ростом непредсказуемости мировой обстановки, присущему большинству периодов нестабильности, вызванными глобальными потрясениями и катаклизмами.

Немаловажным фактором в вопросах урегулирования ливийского кризиса является активное вмешательство Турции во внутренние дела Ливии. В частности, данный фактор был рассмотрен учащимися Финансового университета при правительстве РФ Е.А. Кашиным и А.С. Исхаковым, которые представили исследование на тему **«Турецкая политика в Ливии как рычаг воздействия на газовый и нефтяной рынок»**.

В Ливии протесты против авторитарного режима М. Каддафи вспыхнули в середине февраля 2011 г. и, по мнению экспертов, быстро переросли в кровопролитную гражданскую войну. Когда силы повстанцев оказались на грани поражения, международная коалиция во главе с НАТО начала кампанию воздушных ударов по силам Каддафи. Каддафи был отстранен от власти в августе 2011 г. после того, как повстанческие силы взяли под свой контроль Триполи. После нескольких недель уклонения от ареста Кад-

дафи был схвачен, подвергнут пыткам и в итоге казнен боевиками оппозиции в Сирте в октябре 2011 г.

Проблемы управления Ливией после Каддафи стали очевидны вскоре после того, как к власти пришло международно признанное временное правительство, известное как Правительство национального согласия (ПНС). ПНС изо всех сил пытался перезапустить ливийскую экономику, создать функциональные правительственные институты и установить контроль над многими автономными региональными и племенными ополченцами, которые участвовали в восстании против Каддафи.

Однако Ливия по-прежнему остается в состоянии гражданской войны, и два противостоящих правительства управляют своими регионами страны. Верховный главнокомандующий Х. Хафтар контролирует восточную и южную Ливию, правительство Файеза Сарраджа контролирует Триполи и его окрестности на западе.

Турция и Россия сыграли ключевую роль в решении этого конфликта в 2020 г. В январе 2020 г. сообщалось, что Анкара направила 2000 иностранных ополченцев для поддержки правительства Сарраджа. Причем Эрдоган заявил, что 2500 человек, связанных с российской охранной фирмой, поддерживают Хафтара, который 14 января 2020 г. отказался подписать постоянное перемирие в Москве, надеясь на силовое решение вопроса.

Основная мотивация Турции заключалась в том, чтобы не допустить попадания Ливии под влияние Египта и ОАЭ, что нанесло бы удар по геостратегическим и экономическим интересам Анкары не только в самой Ливии, но и в Восточном Средиземноморье.

Авторы делают следующие выводы: у Ливии есть шанс выйти из гражданской войны за счёт внешней поддержки; Турция, поддержав Ф. Сарраджа в гражданской войне, обеспечила его лояльность и преданность в геополитических проектах Анкары; политика правительства Р. Эрдогана в Ливии предоставила Турции рычаги влияния на мировой ценовой рынок нефтяных и газовых ресурсов.

После широкой полемики вокруг ливийского кризиса, участники третьего рабочего заседания перешли к обсуждению не менее важной проблемы – сирийского кризиса. Слово для выступления было передано заведующему сектором курдоведения Института Востоковедения РАН К.В. Вертяеву. Тема доклада **«Автономная администрация Северной и Восточной Сирии (ААСВС): феномен протогосударственности, вызовы и перспективы в условиях пандемии»**.

Автономная администрация северной и восточной Сирии (ААСВС), контролирующая территории Рожавы, Сирийского Курдистана, Федерации Северо-восточной Сирии, является местом столкновения геополитических интересов Турции, России, США. Самопровозглашенная на северо-востоке Сирии и занимающая треть страны квазикурдская автономия, несмотря на свой непризнанный статус, представляется одним из ключевых игроков сирийского урегулирования и, одновременно, политическим заложником той ситуации, которая сложилась в Сирии в результате гражданской войны, что ныне подразумевает активное вовлечение во внутрисирийский конфликт внешних политических игроков.

Представляется, что становление самопровозглашенной автономии в форме протогосударственности ААСВС на северо-востоке Сирии и роль в этом ключевых игроков сирийского урегулирования, таких как Турция, США и Россия, необходимо сделать объектом серьезного анализа. Это касается изучения политической системы, складывающейся здесь формы квазигосударственности. Предлагается ввести в отечественный научный оборот понятие протогосударственного актора – на примере курдских сил самообороны (курд. *Yekîneyên Parastina Gel*, *YPG*) и Партии демократический союз (ПДС), ассоциированной с Партией рабочих Курдистана (ПРК). Учитывая инклюзивность курдских Сил самообороны в отношении ряда некурдских групп ре-

гиона, ПДС-YPG приобретает протогосударственные характеристики, выходя за рамки определения «сирийского крыла» ПРК, что вызывает серьезную озабоченность Турции.

События последних двух лет (оккупация Турцией Африна и части территорий Сирии, входящих в самопровозглашенное политическое образование) вызвали гуманитарный кризис в автономии, связанный с наличием большого количества внутренне-перемещенных лиц (ВПЛ) на ее территории, усугубленного эпидемией коронавируса в 2020 г, что связано с позицией ВОС и России, как члена СБ ООН в отношении непризнанной автономии. Известно, что подобные вызовы, имеющие характеристики «черного лебедя» (непредсказуемого события) в контексте Ближнего Востока приводили к значительной локальной мобилизации, особенно в курдской среде, что вело к дальнейшей суверенизации «локального» Курдистана (что видно на примере Иракского Курдистана). Необходимо отметить сложный, этнический состав местного населения, находящегося в границах де-факто сложившейся автономии, что выражается в присутствии различных политических сил и движений, в том числе основанных на этническом партикуляризме, поэтому можно сделать вывод о хрупкости такой политической структуры ввиду межэтнических противоречий между курдами и арабами в регионе.

Оставляя за скобками активное внешнее (в том числе и военное) донорство со стороны США, следует отметить, что практикуемая в Рожаве система советов имеет четырехуровневую структуру. По сути она является интерпретацией, одной из форм консociального устройства ("сообщественной демократии"), характерной не только для Бельгии, Австрии, Швейцарии и Ливана. Зачатки консociального устройства Рожавы стали видны еще в 2012 г., когда на паритетной основе был сформирован Высший курдский совет. Имплементируемый в Рожаве демократический конфедерализм гораздо более гибок в сравнении с консociальными демократиями, что важно для изучения влияния такой корреляции на способность зарождающейся политической системы, имеющей черты военной демократии, разрешать разногласия и конфликты, связанные с этнолингвистическим и идеологическим плюрализмом в Сирии.

Проблема функционирования Автономной администрации Северной и Восточной Сирии и ее дальнейшая судьба оказались важной темой для дискуссии. Немаловажной в сирийском вопросе оказалась проблема Идлиба. Молодой исследователь Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского Д.С. Поляков попытался разобраться в проблеме Идлиба, выступив с докладом на тему **«Динамика Идлибского кризиса в период 2020 г.»**.

Автор доклада отметил, что новая эскалация конфликта в Идлибе в начале 2020 г. характеризовалась невыполнением Турцией достигнутых в 2018 г. в Сочи договоренностей, основными аспектами которых были: отделение умеренных оппозиционных боевиков от радикальных, разблокировка стратегических трасс М4 и М5, а также отвод тяжелых вооружений. Кроме того, возросшая активность со стороны радикальных боевиков также способствовала возобновлению конфликта.

Сирийская арабская армия (САА) начала наступление на неподконтрольную ей провинцию в середине января 2020 г. Поводом послужили многочисленные провокации со стороны боевиков. Целями операции стало территориальное уменьшение Идлибского анклава и занятие стратегических автомагистралей М4 и М5. Турция ответила масштабным военным развертыванием, что значительно затормозило наступление. Сильное обострение отношений между Россией и Турцией началось в начале февраля, когда за одну неделю погибли 14 турецких военных. За эти действия Р. Эрдоган возложил ответственность не только на Дамаск, но и на Москву.

Начавшиеся переговоры между Москвой и Анкарой позволили двум сторонам подписать 5 марта 2020 г. новое соглашение. Основными пунктами договоренностей стали:

прекращение всех боевых действий по существующей линии соприкосновения в Идлибской зоне с 6 марта 2020 г.; Создание коридора безопасности шириной 6 км к северу и 6 км к югу от трассы М4; Совместное российско-турецкое патрулирование по трассе М4 с 15 марта 2020 г.

В течение года договоренности между сторонами всячески тормозились и не реализовывались. Проведение совместных патрулирований осложняется не только постоянным саботажем местного населения и блокированием им дороги, но и регулярными атаками на конвои. Положение о создании коридора безопасности шириной 6 км к северу и 6 км к югу вдоль трассы М4 не было выполнено, т.к. турецкая сторона не вывела оппозицию с данной территории. Из-за невыполнения положения о создании зоны безопасности, не соблюдается и прекращение огня, которое воспроизводится в подрывах патрульных конвоев и атаках на позиции САА.

После подписания мартовского соглашения между Россией и Турцией начались внутренние процессы в Идлибе. Со стороны Хайат Тахрир аш-Шам (ХТШ)⁸ началось подавление революционных фракций. Весной 2020 г. усилился процесс ликвидации и переподчинения иностранных группировок со стороны ХТШ. Кроме этого, началась борьба между ХТШ и более радикальными элементами, связанными с аль-Каидой. Важно отметить тенденцию «срастания» ХТШ с про-турецкими группировками.

Решение конфликта в Идлибе во многом зависит от позиции Турции по ключевым вопросам. С одной стороны, Анкара признает ХТШ террористической организацией. С другой – Анкара рассматривает ХТШ как основную силу, способную контролировать ситуацию в Идлибе.

Невыполнение положений мартовских договоренностей может привести к новой военной операции со стороны САА и к новым договоренностям между Россией и Турцией, где, на повестке дня, может появиться и курдский вопрос, считает молодой исследователь.

Поднятая К.В. Вертяевым и Д.С. Поляковым проблематика была подхвачена сотрудником Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН А.И. Неклессой, который рассмотрел сирийский кризис с геополитического ракурса. В своем докладе на тему **«Российско-турецкая партия в афразийском интерьере (Сирия – Ливия – Нагорный Карабах)»** А.И. Неклесса выделил несколько проблемных направлений.

Представив противостояние России и Турции как партию игры, автор начинает с диспозиции. Субъекты процесса – две постимперские автократии, имеющие как схожие черты, так и различия, планирующие альтернативные конфигурации союзников, партнеров, клиентов, соперников и противников. Причины соперничества – пересечение геостратегических интересов и амбиций, борьба за доминирование в южно-европейской газовой-транспортной системе.

Российские планы евразийской реконструкции постсоветской ситуации и властного присутствия в регионе входят в противоречие со стратегическими концептами Турции, характеризующимися как неоосманизм и стратагема «тюркского полумесяца». В геоэкономическом аспекте данное соперничество выглядит как коллизия стратегии «великой энергетической державы» и турецких планов обустройства собственной территории в качестве «южноевропейского нефтегазового хаба».

Далее следует российский дебют (Сирия, 2015–2018 гг.) Ближневосточные персонажи в геоэкономической плоскости могут быть (впрочем, весьма условно) подразделены на две ассиметричные группы: страны, связанные с прежним консенсусом (Саудовская Аравия, ОАЭ), и стремящиеся существенно его скорректировать (Турция, Катар, Иран), что сопря-

⁸ Хайат Тахрир аш-Шам – коалиция исламистских группировок, возглавляемая боевиками «Джебхат ан-Нусра».

гается с фундаментальным геополитическим противостоянием в регионе Северной Африки и Ирана, влияя на прочие подвижные конфигурации союзов и конфликтов. По мере развития ситуации появляются дополнительные факторы и проблемные зоны.

Геоэкономическое картографирование ближневосточного ландшафта, помимо (а) схем разработки Восточно-средиземноморского месторождения и маршрутизации морских коммуникаций с Европой, включает (б) диверсификацию путей и способов транспортировки нефти и газа из Южного Парса (Иран) и Северного (Катар), (в) контроль над Ормузским проливом, (г) контроль над Суэцким каналом, (д) контроль над соответствующими йеменскими плацдармами, (е) развитие системы Южного газового коридора, часть которого – введенный в прошлом году в действие Трансанатолийский газопровод (ТАНАП), а также (ж) перспективы Турецкого потока в рамках южной нефтегазовой системы Европы. В свое время рассматривались и другие сюжеты, включая прокладку сухопутных нефтегазовых коммуникаций, в том числе в таких ставших проблемными регионах, как северные территории Ирака и событие, повлиявшее на российский сюжет в Сирии – идея блокады украинской газотранспортной системы и компенсации соответствующих потерь за счет создания альтернативы на основе Северного и Южного газовых потоков.

Неудача России с Южным потоком рождает план строительства Турецкого потока. Соответственно Сирия и близлежащие территории привлекают внимание России, являясь потенциальным газовым перекрестком. В сумме эти и некоторые другие соображения ведут к идее установления плотного контроля над северо-западной частью страны и блокированию альтернативных нефтегазовых проектов.

Присутствие России в Афразийской зоне объясняется все же не столько ее имперскими амбициями, сколько стратегическим просчетом 2014 г. и последующих попыток обнулить украинскую газотранспортную систему. Проекты Северного потока-2 и Турецкого потока с проектными мощностями в 55 млрд куб.м. и 60 млрд куб.м. газа вроде бы с лихвой перекрывали объемы украинского транзита. И если с СП-2 особых проблем на тот момент руководство «Газпрома» не видело, то комплексная ситуация в южных нефтегазовых сетях, ориентированных на Европу, провоцировала размышления о военном присутствии России в регионе. Желательно, с «позиции силы» относительно Турции, что и предопределило вхождение России в сирийский конфликт осенью 2015 г. Планы давления на Турцию, однако, не увенчались успехом, и 4 нити Турецкого потока были урезаны до 2-х, сроки ввода в эксплуатацию отодвинуты, заработал альтернативный российскому газопровод ТАНАП.

Турция, в свою очередь, заинтересована в альтернативной, протурецкой организации данной территории, имея в виду решение курдской проблемы и обеспечение безопасности, а также возможного развития нефтегазовых коммуникаций региона: ввод в действие Трансанатолийской газотранспортной системы (ТАНАП) с азербайджанским газом и перспективы ее расширения – продление вкупе с Трансадриатическим газопроводом (ТАП) еще больше обострили ситуацию.

Перспективы Турции обрести роль главного южного терминала нефтегазовых маршрутов в Европу – один из основных факторов, влияющих на режимы партнерства и конфронтации с другими акторами в регионе: партнерство с Катаром в рамках политического и геостратегического альянса, а также, потенциально, возможность сотрудничества с Ираном в вопросе сухопутного транзита иранского и катарского газа из Южного Парса/Северное.

Заинтересованность же Турции в маршруте морского трубопровода из ВСМ не прямо в ЕС через Грецию, а через турецкую территорию. Последнее обстоятельство привело к активному сотрудничеству Турции с ливийским правительством Ф. Сараджа в Триполи, находящегося в острой военной конфронтации с поддерживаемым Рос-

сией правительством Х. Хафтара, что вновь обострило турецко-российские противоречия.

Далее автор концепции предлагает тему африканского миттельшпиля (Ливия 2019–2020 гг.) В XXI в. Афразийский регион пережил две перекрывающиеся волны комплексной дестабилизации: «арабскую весну» (2011–2013 гг.) и то, что с большой долей условности, можно было бы обозначить как «арабскую войну» (2013/2014 – по настоящее время). Истоки процессов различны, да и акторами ривалитета являются не только ее арабские участники. Если движущей силой первой волны была модернизационная повестка и попытка изменить дисбалансы в социально-политических конструкциях, то истоки второй следует, по-видимому, искать в сумме геэкономических процессов, резко обострившихся при переделе энергетического рынка, а также в квази-имперских амбициях некоторых персонажей сюжета.

Крупные запасы природного газа были открыты в восточном Средиземноморье, в акватории Кипра-Ливана-Израиля-Египта. Здесь сталкиваются интересы ряда стран, в числе которых Турция, Катар и Саудовская Аравия. Иран, выстраивая и укрепляя геополитическую конструкцию «шиитского полумесяца», также может через ливанскую Хезболлу тем или иным образом влиять на освоение месторождений. Геополитические же и геэкономические интересы Саудовской Аравии в данном случае совпадают с интересами России, стремящейся минимизировать приток нефтегазового сырья в Европу.

В декабре 2019 г. Турция обратилась к Израилю, проектирующему строительство Восточно-средиземноморского газопровода Израиль – Кипр – Греция (*EastMed*) длиной 2 тыс. км (от месторождений Левиафан, Тамар, Далит), с предложением переориентировать его маршрут на Турцию.

Североафриканский театр – второй, западный фланг южной нефтегазовой «триангуляции» с Европой. Зонай конфронтации здесь является Ливия – страна, граничащая с Египтом (контроль поставок через Суэцкий канал) и находящаяся рядом с Тунисом и Алжиром (трубопроводная сеть Магриб и ТрансСредиземноморье плюс проблемный проект Транссахарского газопровода и планы газопровода Нигерия-Марокко).

Военный характер конфронтации в Ливии может напоминать сирийскую драму, но расклад участников здесь иной. Катар и Турция поддерживают в Ливии признанное ООН Правительство национального согласия (ПНС) Файезы Сараджа (Триполи) как противовес Ливийской национальной армии (ЛНА) генерала Халифы Хафтара (Тобрук – Бенгази), поддерживаемого Египтом, Саудовской Аравией, вкуче с эмиратами Персидского залива (кроме Катара), чьи поставки энергоносителей зависят от стабильной работы Суэцкого канала. Конфронтация обострилась после свержения при поддержке Саудовской Аравии правительства в Египте, связанного с «братьями-мусульманами» и поддерживавшегося Катаром.

Весной 2019 г. Халифа Хафтар предпринял наступление на Триполи. Россия, действуя в данном случае в союзе с Саудовской Аравией, оказала логистическую и кадровую поддержку ЛНА. Этот шаг усилил разногласия с Турцией, заявившей о возможности предоставления ею прямой военной поддержки правительству в Триполи.

Сценарии эскалации и дестабилизации связаны не только с действиями ведущих акторов в регионе, но также с активностью их наемников. Прокси-армии прямых и косвенных участников конфликта – сами по себе источник нестабильности и возможной эскалации напряженности. Так, помимо ближневосточных и африканских наемников, сражающихся по обе стороны фронта, в Ливии на стороне Хафтара действуют российские наемники, Турция задействовала военные силы на стороне ПНС Ф. Сараджа, что позволило переломить ход военных действий и заморозило ситуацию.

Здесь игра, по мнению А.И. Неклессы, переходит в турецкий эндшпиль (Нагорный Карабах 2020–2021 гг.) В 2020 г. очередное обострение военного конфликта между

Азербайджаном и Арменией («Тавушские столкновения») началось не на рубежах Нагорного Карабаха, а на севере армяно-азербайджанской границы недалеко от ГТС ТАНАП (июль 2020 г.). Столкновения происходили с применением артиллерии и беспилотной авиации (в ходе обмена артиллерийскими ударами погиб в числе других генерал Полад Гашимов и несколько старших офицеров вооруженных сил Азербайджана). Боестолкновения в этом секторе означали возрастания рисков и представляли удар по капитализации ТАНАП. Министр обороны Хулуси Акара заявил, что турецкие военные готовы поддержать Азербайджан против агрессии Армении.

Два месяца спустя (27 сентября) – начало военных действий Азербайджана в Нагорном Карабахе, завершившихся фактической капитуляцией Армении. 9 ноября было подписано соглашение о прекращении боевых действий в Нагорном Карабахе, обнаруженного в форме совместного азербайджано-армянско-российского заявления. Армения освобождает остающиеся под ее контролем три района: Кельбаджарский Агдамский Лачинский, выводит все военные формирования с территории Азербайджана, обязуется создать на своей территории транспортный коридор в Нахичевань, охраняемый российскими пограничниками. Россия вводит на территорию Нагорного Карабаха ограниченный контингент миротворцев (1960 человек) сроком на пять лет и осуществляет охрану Лачинского коридора (помимо Нахичеванского). Турция осуществляет на основе Центра контроля совместно с Россией миротворческую миссию и фактически получает через территорию Азербайджана и армянский и прописанный в соглашении коридор – прямой путь к Каспию в дополнение к путепроводу через Грузию.

Эпилог или пролог? Так характеризует автор исследования его итоговую часть. Турция: перспектива продвижения от коридора на Кавказ к коридору в Центральную Азию через Каспий. Включение туркменского газа в южно-европейскую газовую систему через Турцию за счет подключения к азербайджано-турецкой газотранспортной системе ТАНАП.

Гуманитарная помощь, радикальный исламизм, кризис политической власти и энергетическая безопасность БВСА

Четвертое заседание открыла преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов МГУ им. М.В. Ломоносова Л.Д. Оганисян, выступившая с докладом на тему «**Помощь Евросоюза в стабилизации и восстановлении Ирака: новый подход к старым проблемам**».

Ирак принадлежит к числу стран арабского мира, государственность которых в XXI в. подверглась существенной эрозии. Свержение режима С. Хусейна в 2003 г. запустило маховик эскалации вооруженного насилия с такой интенсивностью, которой хватило на целое десятилетие. Начавшаяся в 2014 г. экспансия Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ)⁹ поставила под вопрос само существование Республики Ирак как суверенного государства. Однако благодаря мощной поддержке извне удалось одержать военную победу над ИГИЛ, что официально было провозглашено в декабре 2017 г.

Тем не менее, дальнейшее развитие ситуации в Ираке не привело к стабилизации обстановки в стране. После завершения активной фазы противостояния с ИГИЛ в стране стали нарастать кризисные тенденции, которые к октябрю 2019 г. вылились в массовые протесты, а уже в январе 2020 г. Ирак оказался втянут в кризис в связи с обострением американо-иранских отношений. Помимо острых вызовов безопасности и политической стабильности, в нынешнем году серьезными ударами для Ирака стала пандемия коронавируса и нестабильность на мировом нефтяном рынке.

⁹ Запрещенная в России террористическая группировка.

Сегодня Ирак находится в состоянии масштабного кризиса, причины которого носят как внутренний характер, так и внешний. В преодолении этих вызовов Багдаду необходима помощь мирового сообщества. Одним из субъектов международных отношений, готовых содействовать восстановлению и развитию Ирака, является Европейский союз. Степень активности ЕС на иракском направлении в последнее десятилетие существенно возросла. В условиях борьбы с ИГИЛ ЕС оказывал значительную помощь Багдаду, а после поражения террористической группировки заявил о готовности играть ведущую роль в стабилизации и постконфликтном восстановлении Ирака. Интерес ЕС определяется несколькими причинами. Во-первых, дестабилизация Ирака чревата негативными последствиями для всего Ближнего Востока, а также соседних регионов, прежде всего Европы, где опасаются превращения страны в источник трансграничных вызовов и угроз, таких как терроризм и нелегальная миграция. Во-вторых, ЕС считает, что Ирак имеет уникальную возможность стать краеугольным камнем новой архитектуры региональной безопасности, основанной на сотрудничестве и взаимовыгодных интересах, а не соперничестве. По этой причине Брюссель готов содействовать сохранению баланса внутри страны и региональной стабильности.

Руководствуясь этими мотивами, ЕС оказывал Ираку комплексную поддержку, которая включала как гуманитарную помощь, так и содействие развитию, нацеленное в первую очередь на устранение фундаментальных причин нестабильности и радикализации. Таким образом, еще в 2017 г. Брюссель определил Ирак в качестве пилотной страны для внедрения связки гуманитарной помощи и развития (*humanitarian-development nexus*). Данный комплексный подход предполагает координацию деятельности по оказанию двух видов помощи и нацелен на то, чтобы устранить коренные причины нестабильности.

Несмотря на заинтересованность Евросоюза в стабилизации Ирака, его возможности в сравнении с США или региональными игроками, как и рычаги влияния на Багдад, ограничены. Тем не менее, европейские исследователи считают, ЕС воспринимается в Ираке как нейтральный игрок, что дает ему определенное преимущество. Однако возникает вопрос: до какой степени ЕС готов вовлекаться в решение иракских проблем в условиях, когда в Ираке процветает коррупция, страна обладает собственными ресурсами для восстановления, а Брюссель сталкивается с целым рядом внутренних и внешних вызовов?

Л.Д. Оганисян заключила, что негативный опыт реконструкции Ирака после свержения режима С. Хусейна в 2003 г. довлеет над международным сообществом, препятствуя активизации усилий в этом направлении, однако инерция может нанести не меньше вреда. Для стабилизации страны недостаточно восстановить то, что было разрушено чередой сменявших друг друга на протяжении полутора десятилетий конфликтов. Необходимо устранение коренных причин нестабильности и конфронтации, включая реформирование политической системы государства и укрепление ее устойчивости. В отсутствие институциональных реформ все усилия по восстановлению будут тщетны. Рецепт, предложенный ЕС в виде концепции «связки гуманитарной помощи и содействия развитию», хоть и не панацея, но основывается на этой, казалось бы, простой, но очень важной идее.

Следующий докладчик – заведующий Центром социологических и политологических исследований Института Африки РАН С.В. Костелянец выступил с докладом о **политическом кризисе власти в Судане**. 11 апреля 2019 г. в результате военного переворота был свергнут президент Судана Омар аль-Башир. Изгнание аль-Башира сначала вызвало «осторожный оптимизм», так как Переходный военный совет (ПВС), пришедший к власти в апреле 2019 г., освободил сотни политзаключенных, провозгласил свободу прессы, пообещал провести переговоры с оппозицией и вскоре передать браз-

ды правления гражданским политикам. Однако оппозиционные Силы за свободу и перемены (ССП) были нацелены на кардинальную трансформацию всей политической системы и незамедлительное расследование военных и коррупционных преступлений режима Омара аль-Башира, что могло угрожать интересам верхушки силовых структур, в том числе некоторым членам ПВС.

5 июля 2019 г. было объявлено о достижении между ПВС и ССП предварительной договоренности о разделении власти на следующих условиях: в Суверенном совете Судана (ССС), созданном на срок в 39 месяцев, военные и гражданская оппозиция получат по 5 мест; еще одно место займет компромиссная фигура. Соглашение было подписано 17 июля, но многие его детали оставались предметом дальнейших переговоров. Недовольство суданцев и обеспокоенность западных обозревателей вызывало и назначение в ПВС бывшего лидера дарфурского джанджавида¹⁰ Мохамеда Хамдана Доголо «Хемети», виновного в убийствах многих дарфурцев во время конфликта, начавшегося в 2003 г. и продолжающегося до сих пор.

Можно утверждать, что соглашение трансформировало конфликт и снизило уровень насилия, но политические разногласия между сторонами соглашения остались ключевым фактором, оказывающим влияние на ход политического транзита в Судане.

Мохаммед Хамдан Доголо (род. в 1975 г., выходец из подгруппы махамид чадского арабского племени ризейгат), известный как Хемети, является, безусловно, самым ярким членом ПВС. Оставивший начальную школу на третьем году обучения, чтобы заняться торговлей верблюдами, перегоняя их через границу в Ливию и Египет, свою карьеру в джанджавид Хемети начинал под руководством другого лидера этого ополчения Мусы Хиляля, который руководил джанджавидом с 2003 г. В 2006 г. он возглавил вооруженный рейд через занятые повстанцами районы Северного Дарфура, где боевики джанджавида давили местных жителей-неарабов пикапами и насиловали женщин «от имени джихада». «Контрповстанческие методы» Хемети своей жестокостью смущали даже офицеров регулярной армии.

Как и многие бывшие «военные бароны», Хемети прежде всего защищает собственные интересы, эффективно используя политический вакуум, возникший после свержения аль-Башира, для укрепления своей власти и бизнес-империи.

В своем прогнозе С.В. Костянец отметил, что при сохранении нынешней экономической нестабильности сохраняется высокий риск срыва политического транзита. Если доминирующая элитарная группа не сможет извлечь пользу из реинтеграции Судана в мировую финансовую систему, то в ее интересах будет сделать ставку на военных – таких, как Хемети, которые будут мотивированы опасениями потерять и экономические активы, и свободу.

Проблема релевантности концепции «ближневосточного монархического авторитаризма» была рассмотрена во время выступления аспирантки Школы политологии НИУ ВШЭ А.А. Хохловой.

Автор доклада сконцентрировала внимание на том, что в результате мощных политических дестабилизационных процессов 2011 г. в республиках Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) некоторые авторы, фокусируясь на феномене монархической устойчивости, были склонны вновь использовать в их исследованиях, посвященных «монархической исключительности», концепцию «ближневосточного монархического авторитаризма». Профессор Университета Оклахомы Р.Е. Лукас один из первых заговорил об этом подтипе, приведя четыре общие для режимов монархий БВСА черты по признакам допустимости некоторого политического плюрализма, наличия «красных линий», конституционных ограничений власти правителей и культурно-традиционной

¹⁰ Джанджавид (араб. جنجويد, в переводе означает «джинн на коне») – принятое в западных СМИ название арабского правительственного ополчения в Судане.

легитимности режимов». По мнению исследователя, приведенные Р. Лукасом критерии оказываются недостаточными для их использования применительно к монархиям БВСА после 2011–2013 гг., более релевантным является разделение этих стран на «частично свободные» и «несвободные» монархии БВСА.

В данной работе предлагается иной подход анализа критериев Р. Лукаса – с перспективой их применимости к другим монархиям мира. В результате анализа становится ясно, что приведенные автором критерии «ближневосточного монархического авторитаризма» характерны и для неарабских монархий Азии. На основе сравнения индексов политических прав и гражданских свобод из статистики *Freedom House* утверждается, что, как и арабские монархии, неарабские монархии Азии можно также разделить на «частично свободные» и «несвободные» монархии.

Не менее интересный **историографический обзор исламистского радикализма на примере ИГ** представила учащаяся Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова Е.С. Абдуллина.

Интерес отечественных экспертов к ИГИЛ в последние годы заметно возрос. В вопросе о природе Исламского государства российские специалисты фактически разделились на 2 лагеря.

Первый составляют сторонники концепции, согласно которой ИГИЛ – это продукт политики США. И.В. Бочарников, В.Н. Пластунов, С.М. Самуйлов и М.М. Панюжев считают, что ИГИЛ появилось в результате просчетов американцев в Ираке. Администрация Дж. Буша-младшего, совершенно не учитывая сложную ближневосточную политическую реальность, поставила целью «освобождение» народа Ирака от тирании Саддама Хусейна и построение демократии в этой стране. Предполагалось, что после вторжения иракская армия перейдет на сторону США и в государстве довольно скоро получит развитие «устойчивая демократия», ориентирующаяся на Запад. Фактически же ликвидация режима С. Хусейна разрушила хрупкую стабильность в отношениях между конфессиями и народами, населяющими Ирак, и привела в движение силы радикального исламизма. Таким образом, ИГИЛ возникло на обломках светского государства, что с точки зрения западных ценностей выглядит не иначе как возврат в средневековье. Есть авторы, как Ю.А. Михалев, которые доказывают, что ИГИЛ было преднамеренно создано Вашингтоном в соответствии со стратегией «управляемого хаоса». Борьба с этим новым врагом обосновывает присутствие США в регионе и позволяет им активно влиять на международные процессы Ближнего Востока.

Второй пул экспертов стоит на позиции, что ИГИЛ – продукт естественных процессов, протекавших в регионе не один десяток лет. По словам Е.А. Канаева и С.В. Демиценко, причины появления и развития ИГИЛ следует искать в диспропорции социально-экономического развития государств Ближнего Востока. К кризисным явлениям они относят высокий уровень коррумпированности, неспособность государства побороть безработицу, оказывать социальную помощь неимущим слоям населения и эффективно решать прочие социальные проблемы. Важнейшим политическим фактором подъема радикального исламизма авторы считают то, что региональные режимы десятилетиями запрещали деятельность партий и движений, имевших религиозную окраску.

Д.С. Рязанов называет ИГИЛ одним из самых амбициозных проектов исламистских экстремистов с начала XXI в. ИГИЛ, будучи центром притяжения «джихадистов» со всего мира, имеет глобальное измерение и мыслится его творцами орудием борьбы с Западом.

П.М. Колесникова видит в ИГИЛ проект воссоздания халифата. Лидеры ИГИЛ на почве возвращения к «подлинному исламскому государству», которое процветало в период «золотого века» ислама, намерены консолидировать мусульман и вдохновить их на сопротивление Западу и его ценностям.

В конце выступления автор доклада отметила, что если одни политологи делают акцент на приоритетности внешних факторов в природе возникновения ИГИЛ, то другие – на приоритетности внутренних факторов.

Следующий доклад затронул **проблемы энергетической безопасности Ближнего Востока на примере Йемена**. В качестве докладчика выступил старший преподаватель Департамента политологии Финансового университета при правительстве РФ С.П. Митрахович.

В контексте йеменского гражданского вооруженного конфликта и вовлечения в него коалиции во главе с Королевством Саудовская Аравия (КСА) с одной стороны, и Ирана с другой, возникает эффект «войны по доверенности» (*proxy war*). Хуситы, поддерживаемые Ираном, уже доказали, что способны наносить удары по важным объектам нефтегазовой инфраструктуры Саудовской Аравии, в том числе применяя высокоуровневые вооружения (включая, по данным американцев, крылатые ракеты, а не только простые беспилотники).

КСА уже пережило несколько достаточно серьезных атак, важных и для ее собственной энергетической безопасности, и для энергетической безопасности всего региона Ближнего Востока. Так, важной новостью мировой энергетики начала осени 2019 г. стала атака хуситов на нефтяные объекты КСА, включая стратегически значимое предприятие первичной очистки нефти на месторождении Абкаик. Предприятие не является в чистом виде НПЗ, однако оно обрабатывает крупные объемы нефти для очистки ее от примесей и доведения до экспортной кондиции. Пожар на объекте в Абкаике удалось быстро потушить, однако пришлось снизить добычу на несколько дней вдвое – на 5,7 млн баррелей в сутки, т.е. сокращение составило около 5% мировой добычи. Рост цены *Brent* составил в первые дни после инцидента 15%.

В ноябре 2020 г. последовала вторая знаковая атака: подтверждено попадание ракеты *Quds-2* в распределительную станцию саудовской нефтяной компании *Saudi Aramco* в Джидде. Последствия удалось относительно оперативно ликвидировать, но вновь была продемонстрирована недостаточная эффективность ПВО Саудовской Аравии.

На перспективу стоит учитывать следующий риск для КСА: возможное усиление позиций саудоскептиков в руководстве США. При таком случае сценарии серьезное сокращение американского военного присутствия в КСА будет становится более реалистичными, что сделает нефтегазовую инфраструктуру КСА еще более уязвимой для Ирана и его сателитов.

Завершилось четвертое рабочее заседание выступлением члена Русского географического общества А.Г. Сулейманяна на тему **«Большой Ближний Восток и сценарии будущего: к вопросу о методологии»**.

Методология исследования *Big history* (в англо-саксонской традиции) является предметом споров. Важность методологии очень точно определил генералиссимус А.В. Суворов: «...практика без теории слепа».

По мнению автора, методология должна быть, во-первых, междисциплинарной; во-вторых, выйти за пределы науки и активно использовать труды поэтов и писателей (например, «Капитанская дочка» А.С. Пушкина и «Ким» Р. Киплинга уникальные источники о России и Индии) и путешественников (например, книга Ж. де Нерваля «Путешествие на Восток»).

Также необходим синтез различных методологических подходов: определение сферы применения и границ той или иной теории. Мы исходим из предположения, что в прогнозировании исторических событий необходима классификация факторов. Есть факторы изменяемые (например, экономика и политика, а также этническая структура общества). И для анализа этих факторов применим марксистский подход и концепция В.И. Ленина о «революционной ситуации». Есть факторы в принципе неизменяемые,

например, «народный характер» (или «душа народа» в терминологии немецкой философии, или «коллективное бессознательное» в концепции К.-Г. Юнга). И теми и другими можно осознанно управлять, но в отношении первых диапазон изменений больше (наглядный пример, «шоковая терапия» в Чили и ельцинской России).

Для анализа неизменяемых факторов следует применять цивилизационный подход, например, концепцию «культурно-исторических типов» Н.Я. Данилевского. Данный подход требует качественных методов, принципиально отличных от количественного подхода *big data*. Автор доклада считает широко распространенную концепцию Хантингтона о «столкновении цивилизаций» идеологизированной и не подтверждающейся фактами. В качестве примера он приводит «православную» Грузию, которая на протяжении всего постсоветского времени противостоит России и стремится к сближению с Турцией.

А.Г. Сулейманян исходит из принципа непредсказуемости, который афористично определил А.С. Пушкин в критических замечаниях на книгу Б. Полевого о русской истории: «...случай – могучее орудие Провидения»). Имеется в виду внезапное появление харизматического лидера, меняющего весь ход мировой истории. Для прогнозирования событий на Большом Ближнем Востоке автор считает полезным применить концепцию Аль-Фараби о «жителях добродетельного города».

Также надо учитывать уникальные условия современного мира: «изоляция в условиях глобализации». Продолжительность этого периода неизвестна, и поэтому прогноз может носить только эвристический характер.

Автор доклада отметил, что вопрос о сценариях это, по сути, вопрос об управлении историей и его пределах. Это также вопрос о мечте и образе будущего.

Заключение

В итоге обсуждения представленных докладов и проведенной дискуссии по наиболее острым вопросам стабилизационных/дестабилизационных процессов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки было выделено несколько конфликтных точек, возникших в период событий «арабской весны» и не нашедших своего разрешения вплоть до сегодняшнего дня. В первую очередь, это сирийский, ливийский и йеменский кризисы.

Особую проработку на конференции получила проблема гражданской войны Ливии и Сирии. Докладчики по данной проблематике сошлись во мнении, что вооруженный конфликт в этих государствах носит сложный, многоуровневый характер и его разрешение зависит не только от непосредственных участников конфликта, но и от региональных и мировых акторов, косвенно задействованных в данных конфликтах.

Помимо ливийского и сирийского конфликтов, не стихает «пламя пожара» в Йемене, усиливаются протестные волнения в Ираке, Судане и странах арабского Магриба. На фоне усиления исламистского радикализма обретает все большую популярность проблема дерадикализации членов экстремистских и террористических группировок, действующих в большей или меньшей степени практически во всех странах ближневосточного региона.

COVID-19 не пощадил ни один регион мира. По очевидным причинам особенно сильно пострадали развивающиеся страны. Сюда относится и регион БВСА. Последствия многолетней нищеты, авторитаризма, коррупции и других серьезных долгосрочных недостатков усилились на фоне пандемии. Партнерство между Западом и странами БВСА необходимо как никогда. Чтобы быть эффективным, это партнерство должно включать в себя множество новых заинтересованных сторон; оно должно основываться

на доверии и на принципе ответственности за региональную и национальную безопасность.

Однако ситуация может измениться по мере того, как более долгосрочные последствия пандемии и неопределенное региональное и глобальное восстановление начнут оказывать масштабное воздействие на общественное развитие. По мере роста социального неравенства и экономической нестабильности возрастает риск гражданских волнений и длительных вызовов стабильности режимов.

Источники

1. Conde C., Pataud A. COVID-19 Crisis Response in MENA Countries. <http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/COVID-19-crisis-response-in-mena-countries-4b366396/> (дата обращения 08.02.2021)
2. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Развивающиеся страны в политической экономике посткоронавирусного мира. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020, № 9, с. 5–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-9-5-14.
3. Beschel Jr. R. P., Yousef T. The Middle East and North Africa and COVID-19: Gearing up for the long haul <https://www.brookings.edu/opinions/the-middle-east-and-north-africa-and-covid-19-gearing-up-for-the-long-haul/> (дата обращения 06.02.2021)
4. Хайруллин Т.Р. *Борьба за лидерство в арабском регионе. Есть ли шанс для исламистов?* М., Институт Африки РАН, 2019. 214 с. ISBN 978-5-91298-243-9.

PROSPECTS OF DESTABILIZATION PROCESSES IN THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA: BEFORE AND AFTER THE PANDEMIC

© 2021 Timur Khayrullin

KHAYRULLIN Timur R., PhD (Political Science), Research Fellow, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Federation, 123001, Moscow, Spiridonovka St., 30/1, e-mail: jumglaw16@yandex.ru

Abstract. *The work is the result of a conference held on December 2, 2020 by the Center for Civilizational and Regional Studies of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences on the topic «Prospects for destabilization processes in the Middle East and North Africa: before and after the pandemic». The conference program consisted of four working sessions. The problems of the organized conference went beyond the issues stated for discussion and were of an interdisciplinary nature. In particular, several conflict points were identified that arose during the events of the Arab Spring and have not been resolved until today. First of all, these are the Syrian, Libyan and Yemeni crises. COVID-19 has not spared any region of the world. For obvious reasons, developing countries have been particularly hard hit. This includes the Middle East and North Africa (MENA) region. The effects of years of poverty, authoritarianism, corruption and other serious long-term shortcomings have intensified against the backdrop of the pandemic. The partnership between the West and the MENA countries is more necessary than ever.*

The structure of the work consists of an introduction, which reflects the topic, problems, purpose, as well as the issues stated for discussion. Below are the short theses of the conference participants, representatives of the leading scientific and educational centers of Russia. At the end of the work, a conclusion is given, which summarizes the main results of the conference.

Keywords: *pandemic, Middle East, North Africa, instability, Islam, civilization.*

DOI: 10.31132/2412-5717-2021-54-1-17-45

References

Beschel Jr. R.P., Yousef T. The Middle East and North Africa and COVID-19: Gearing up for the long haul <https://www.brookings.edu/opinions/the-middle-east-and-north-africa-and-covid-19-gearing-up-for-the-long-haul/> (accessed 06.02.2021)

Conde C., Pataud A. COVID-19 Crisis Response in MENA Countries <http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/COVID-19-crisis-response-in-mena-countries-4b366396/> (accessed 08.02.2021)

Fituni L.L., Abramova I.O. Razvivayushchiesya strany v politicheskoi ekonomii postkoronavirusnogo mira (Developing countries in the political economy of the post-coronavirus world) *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya (World economy and international relations)* 2020. № 9. pp. 5–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-9-5-14

Khairullin T.R. *Borba za liderstvo v arabskom regione. Est' li shans dlya islamistov? (The Struggle for Leadership in the Arab region. Do Islamists have a Chance?)* Moscow, Institut Afriki RAN. 2019. 214 p. ISBN 978-5-91298-243-9